
Дети и детство в традиционной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы /
Сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева. Сыктывкар, 2008. 200 с. + 24 с. цв. вкл.

В 2008 г. вышло в свет весьма знаменательное издание: «Дети и детство в традиционной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы», составленное Т. И. Дроновой и Т. С. Каневой под редакцией Т. Н. Бунчук. Полевые исследования проводились при участии Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, учтены также записи из собрания фольклорных кафедр и научных центров Московского и Сыктывкарского университетов. Издание осуществлено Коми региональным общественным учреждением «Созидание».

Деятельное участие в сборе материала принимали юные жители села Усть-Цильма и их педагоги — участники историко-этнографической программы «Преданья старины глубокой...» на базе детского центра «Гудвин». Благодаря этой работе у детей возник активный интерес к старинным играм родного края. Пожилые усть-цилемцы — хранители народных традиций — с охотой делились с детьми воспоминаниями своего детства, учили их играть в старинные игры, а ребята в свою очередь стали пропагандировать эти игры в своем детском кругу. Остается лишь пожелать достойного продолжения столь замечательного опыта, чтобы энергии организаторов историко-этнографической работы с детьми на местах хватило «запала» еще на долгие-долгие годы.

Главная ценность настоящего издания, включившего в себя результаты солидного полевого исследования (включая профессионально проведенную работу с собирателями-детьми) и результаты его научного осмысления, — это его монографический характер. Здесь представлена вся полнота жанров детского фольклора исследуемой традиции, причем в достаточном для основательных научных заключений количестве вариантов поэтических текстов. Такая монография может стать отправной точкой дальнейшего исследования как отдельных жанров детского фольклора, так и других местных традиций, при этом может послужить образцом научного подхода к собирательской работе.

Есть и еще один важный аспект монографичности такого труда. Это возможность в надежной полноте получить представление о местном опыте этнопедагогики с целью его научного осмысления, а также освоения и использования в современной педагогической практике. Традиционная народная педагогика предстает перед современным исследователем как стройная, развитая система знаний и представлений о том, как «поднять» ребенка от рождения к отрочеству, от отрочества к юности, чтобы всесторонне подготовить его к жизни. Как и вся традиционная культура, в течение XX в. народная педагогика испытала жесткое давление со стороны урбанистической культуры, а также насаждаемой властью «советской» идеологии. Несмотря на это, многие ее элементы продолжают жить в памяти и семейной практике, хотя системные связи в значительной мере оказались утраченными. При надлежащем подходе к собиранию этого материала его еще возможно достаточно полно и представительно зафиксировать и, что особенно важно, творчески усвоить. Вместе с тем то, что уже имеем, позволяет восстановить саму систему и при необходимости корректно воссоздать те ее элементы, которые были утрачены.

Здесь самое время напомнить о комплексности предпринятого исследования. Может быть, именно культура детства в первую очередь требует глубокой и разносторонней комплексности — как в собирательской работе, так и в ее научном осмыслении. К концу XX века фольклористика и этнография взаимно осознали необходимость использования комплекса специфических для этих наук аспектов, методов и подходов. Современное поколение ученых, изучающих фольклор и быт народа, понимает их уже как нечто неразделимо общее. Ни для кого не секрет, что существуют фольклорные жанры, где словесный текст без этнографического контекста выглядит как бессмысленный набор слов, а то и звуков, а иные обряды или особые явления быта без фольклористического анализа их словесного компонента остаются неясными для исследователей. Эти вопросы успешно решаются современной наукой.

Одной из целей комплексного исследования является создание этнодиалектного словаря. Этнодиалектный словарь отражает известный уровень завершенности научного знания о предмете, его итог. Но, как и всегда, такой итог в свою очередь является лишь ступенькой к следующему этапу собирания материала. Одна из больших удач коллектива авторов — завершение значительного этапа полевой работы созданием материалов для такого словаря, по своей тематике относящегося к ключевым для национальной культуры понятиям *рода, рождения*. Словарь подкреплен двумя фундаментальными исследованиями этого аспекта местной культуры: статьями Т. И. Дроновой «Рождение и воспитание детей в традициях русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы» и Т. Н. Бунчук «Языковое выражение представлений о рождении ребенка в усть-цилемской народной культуре».

Процесс воспитания детей в традиционной народной культуре начинается буквально с момента рождения нового члена семьи. Значительное место в этом деле принадлежит напевному слову. В процессе решения задач развития детей в народной традиции сложился солидный массив фольклора: колыбельные песни, пестушки и потешки, игры, сказки, загадки, скороговорки. Особое место в этнопедагогике отводится раннему периоду развития и воспитания ребенка. В статье Т. Н. Каневой «Традиционная усть-цилемская поэзия пестования» рассматриваются особенности и роль словесного компонента этнопедагогической системы. Исследователь отмечает, что вследствие специфики собирательской работы в Усть-Цильме, направленной в первую очередь на эпос, лирику и обряды, так называемый материнский фольклор остался на периферии интересов собирателей, и поэтому имеющихся материалов пока недостаточно для окончательных выводов о его особенностях. Тем не менее собранное к настоящему моменту представляет значительный интерес для исследователя и, кстати, включает в себя все основные компоненты репертуара пестования, которые встречаются в более подробно обследованных традициях Русского Севера (например, Онежский, Каргопольский, Коношский районы Архангельской области). Итоги изучения словесных текстов колыбельных песен и загадок стали основой Перечня основных мотивов колыбельных песен и Тематического перечня загадок.

Сборник снабжен необходимым научно-справочным аппаратом, организованным так, чтобы читатель без труда мог получить сведения о необходимом тексте в комментарии, а при необходимости — обратиться к более подробным справочным материалам: Указателю исполнителей (полные сведения о них), Указателю источников — или найти понравившийся текст загадки в Алфавитном перечне.

Единственным серьезным недостатком издания является малое количество представленных в нем напевов или хотя бы сведений о манере исполнения публикуемых словесных образцов. На 638 опубликованных в сборнике текстов имеются только 17 нотных расшифровок. Это напевы колыбельных песен, пестушек и потешек (прибауток). Вместе с тем напев или интонационный контур — важнейший элемент фольклорно-этнографической целостности. Любой образец фольклора, предназначенного в народной традиции детям, так же как и произведение собственно детского фольклора, представляет собой *интонируемый поэтический текст*, который *включен в контекст педагогического воздействия* взрослого (старшего) на

ребенка (массаж и развивающая игра, укачивание и т. д.) *либо взаимодействия детей* между собой (подвижная или интеллектуальная игра, состязание и др.). Без представления об интонации (включая диалектную «мелодику говора») восприятие, понимание и, главное, практическое освоение образца ограничено. Разумеется, далеко не все изданные фольклорные материалы по детскому фольклору позволяют читателю получить всю необходимую информацию, и именно поэтому этот вопрос стоит очень остро и актуально.

Не только колыбельные, но и практически все потешки и пестушки, заклички, игровые припевки, колядки, озорные песенки и частушки, считалки и даже скороговорки, докучные сказки и дразнилки имеют ярко выраженную интонационную форму, чаще всего существующую в виде напева либо напевного выкрика. Для полноценного изучения этих образцов, а особенно для его успешного использования в практической работе с детьми, необходимо дать читателю представление об их звучании. Споры нет: многие напевы такого рода, а особенно в исполнении детей, трудно оформить в виде нотной записи: требуется значительный опыт, чтобы изобразить контур интонации точно, но доступно для чтения. В этом случае имеется свой арсенал приемов помимо известных всем пяти нотных линеек. И самый простой из них — это звукозапись, приложенная к сборнику.

И все же авторский коллектив сумел достичь в издании замечательной целостности, которая создается за счет полноты представления словесного и историко-этнографического компонентов местной традиции. Основной корпус сборника составляют тексты, снабженные в случае необходимости комментарием народного исполнителя, его описанием действий, сопутствующих исполнению произведения и в отдельных случаях нотациями напевов. В них предстает жизнь ребенка от рождения до школьного возраста. Произведения одного жанра составляют отдельный раздел, которому предпослан краткий комментарий. В комментарии обобщение собирателя подкрепляется высказываниями народных исполнителей — точными, яркими и, что важно, — глубоко продуманными, несущими богатейший опыт осмысления воспитательного процесса. Что же удивительного: ведь даже сейчас в усть-цилемских семьях немало детей, а прежде «в семью приходили» (рождались) и восемнадцатыми, и двадцатыми!

Первый раздел по традиции составляют колыбельные песни. Традиционным является и расположение их по сюжетам, что, конечно, удобно для классификации. К такой подаче материала авторский коллектив подтолкнула в первую очередь некоторая отрывочность имеющихся записей. Кроме того, подача материала по принципу сходных сюжетных мотивов создает известные удобства при его практическом использовании. Хотелось бы надеяться, что в дальнейшем авторам удастся дополнить записи колыбельных песен и представить их в полном виде.

Процесс исполнения колыбельной песни есть глубоко интимный акт общения между взрослым (старшим) и ребенком, и его задача не ограничивается только лишь успокоением и убаюкиванием малыша. Во время общения происходит передача новому члену семьи жизненных установок, выраженных в текстах колыбельных. При этом напев выражает особое состояние, которое обеспечивает максимальный эффект этого процесса. Именно поэтому так важно записывать (и представлять в публикации) пение колыбельных как можно полнее. Кроме того, на великолепном монографическом материале одной традиции можно делать надежные выводы о передаче напевов колыбельных в семьях по наследству.

Напевы усть-цилемских колыбельных песен, опубликованные в сборнике, отличаются большим мелодическим разнообразием. Здесь представлено несколько различных типов ладовой и строфической организации, но судить о том, насколько те или иные из них типичны для местной традиции, можно лишь предположительно ввиду отсутствия статистики по вариантам напевов. В отличие от интонационной слогоритмическая основа напева колыбельных типична для произведений этого жанра и весьма устойчива. Семисложный в основе стих, который в результате дробления или стяжения может становиться восьми- или шестисложным, распет на четырехвременной основе, с акцентами на втором и четвертом времени.

Ударные третий и седьмой¹ слоги совпадают с этими акцентами. При этом акцент на четвертом времени главный и, как правило, выделен долготой.

Абсолютное большинство напевов колыбельных строится на терцовых попевах. Наиболее распространенная попевка является основой стиховых напевов (№ 12, 15, 62) или составляет второй стих (заключительную фразу) строфических (№ 11, 20, 61, 68). Мелодия движется от верхней ладовой опоры к нижней, опевая вторую ступень. Если главный акцент (на четвертом времени) всегда попадает на первую ступень лада, то второстепенный акцент (на втором времени) приходится на вторую либо третью ступень:

III (I, II) | II — III | I; либо: III (II, I, субкварта) | III — II | I.

Стиховые напевы принадлежат к более архаичному слою музыкального фольклора и в большей мере соответствуют утилитарному назначению колыбельных: успокоить, «убаять» засыпающего младенца и тем самым способствовать благополучному переходу его «в мир сна».

В усть-цилемских терцовых колыбельных, имеющих строфическую форму, распев первого стиха направлен ко второй (№ 11, 61) или третьей (№ 20, 68) ступени лада, которая становится промежуточной опорой, заключающей первый этап развития напева:

I (субкварта, III) | I (II) — III (I) | II; либо: субкварта | I — II | III.

Мелодическое единство строфического напева складывается при взаимном сопоставлении конечных устоев первого и второго стиха (второй стих, как говорилось выше, всегда завершается главным устоем — I ступенью). Соотношение конечных устоев может быть либо терцовым, либо секундовым. Напевы с секундовым соотношением между заключительными опорами каждого стиха являются общераспространенными в русской традиции и, пожалуй, самыми известными колыбельными напевами (№ 11, 61).

В усть-цилемской колыбельной традиции имеются и напевы, построенные на основе квартового трихорда, и при этом они имеют тирадно-строфическую форму, характерную для эпических жанров (№ 2, 4). Интонационные контуры этих напевов отличаются как от основной массы колыбельных, так и друг от друга. Общим в них являются энергичные квартовые ходы, нисходящие (№ 4) и восходящие (№ 2), свидетельствующие о присутствии в мелодике этих образцов иных интонационных истоков, чем в мелосе более распространенных в Усть-Цильме колыбельных напевов. Конечно, жаль, что отсутствие их вариантов в данной публикации не позволяет сделать какие-либо выводы об их типичности для местной традиции. Тяготение к тирадно-строфической форме обнаруживает также развитие терцового напева № 61, причем в распеве последних трех стихов этого образца возникают квартовые интонации, подобные напеву № 2.

Еще один напев колыбельной (№ 14) принадлежит к иному мелодическому складу, который существенно отличен от рассмотренных нами выше. Его звукоряд расширен до сексты, мелодия начинается широким секстовым ходом, а попевки, соответствующие двум стихам музыкально-поэтической строфы, находятся в кварто-квинтовом соотношении, что говорит о тяготении данной мелодии к поздней мажоро-минорной системе. Для более основательного суждения об особенностях стиля этого напева, к сожалению, не хватает статистики.

Хочется надеяться, что будущие экспедиции в Усть-Цильму принесут также новые записи колыбельных, а также и в целом «фольклора пестования». Но даже из того материала, который наверняка имеется в архивах, можно добыть дополнительную информацию. Чтобы существенно увеличить число напевов в публикации, достаточно указать, что те или иные поэтические тексты, помещенные в сборнике согласно сюжетно-мотивному принципу подачи материала в разных местах, но спетые одной исполнительницей, исполняются на один и тот же напев.

¹ В случае стяжения — шестой слог.

«Кто без призора в колыбели, тот весь век не при деле», — гласит народная поговорка. Дело развития и обучения новых членов семьи возлагалось на старшее поколение. В детском возрасте перед подрастающим членом общества ставилась задача научиться «использовать творческий потенциал языка, свободно говорить, что высоко ценилось в коллективе» (с. 67). На это был направлен массив потешек, пестушек, сказок, небылиц и других развивающих словесных игр. Старшие дети, другие члены семьи, исполнявшие роль воспитателей, стремились поощрять малышей к таким упражнениям, а при случае и демонстрировать их достижения, для поддержания статуса семейного клана в общине, его полноценности и успешности.

Пестушки, потешки и прибаутки, а также докучные сказки, присказки, небылицы составляют два раздела сборника. В репертуаре усть-цилемов представлен практически весь характерный для Русского Севера корпус текстов пестушек. Большой интерес представляет подборка вариантов пестушки «Сорока-ворона». При тексте № 84 (с. 59) приводится яркий образец творческой импровизации народной исполнительницы на эту же тему. Все тексты, кроме № 83, заканчиваются «наказанием» «ленивого» большого пальца. Вместе с тем записан и другой, более полный вариант массажного действия, который завершается легкими ударами ребром ладони по руке ребенка и шекотанием со словами «Пень да колода, горяча вода» (№ 83, а также намек на это действие в комментарии исполнительницы к № 82). Интересно также самостоятельное бытование этой заключительной части пестушки («Пень да колода...» — см. № 76).

Несколько потешек и прибауток представлены в сборнике с напевами. Все эти напевы типичны для произведений данного жанра. Они основаны на принципе повторности квартовых попевок, которые имеют в основе как повествовательные, так и заклинательные интонации. Наиболее распространенной является четырехвременная попевка с акцентами на втором и четвертом времени. Главный акцент возникает от сочетания ударного слога с наиболее высоким звуком — квартовым тоном лада. Второй акцент — на месте ударного слога, падающего на нижний устой (вторую ступень лада).

Такое строение имеет большинство напевов прибауток: № 75 («Сенька-везенька»), 91 («Идет коза рогатая»), 116 («Векушка-горожаночка»), а также напев колыбельной, сюжет которой по сути является типичным для прибауток — строится на игре слов, юмористических образах: № 13 («...Не царапайсе, царапко»). На этот же напев распета колыбельная (№ 64) с таким сюжетом, который исследователи обычно считают типовым для этого жанра: («Байки-побайки, матери китайки... и т. д.»). Отсутствие статистики не позволяет делать какие-либо предположения относительно типичности этого случая: распета колыбельной с данным сюжетом на напев прибаутки. Однако в пользу несомненной связи этого текста с образным языком прибауток говорит как особая, *игровая* форма «словесного маркера» жанра: «байки-побайки», а не «бай, баю, побаюшки» и т. п., так и напев, типичный для игровых жанров фольклора пестования.

Напев прибаутки «Векушка-горожаночка» имеет в усть-цилемском собрании еще два варианта. Один из них основан на восходящей квартовой интонации возгласа (№ 115), а другой (№ 113) представляет собой развернутую тирадно-строфическую импровизацию, вначале на основе типовой для местных прибауток нисходящей квартовой попевки, а затем, при повышении на тон верхнего опорного тона, возникает трихордовая попевка (нижняя опора лада остается неизменной).

Особое место в системе традиционного ухода за детьми занимают заговоры, различные приговоры на обливание в бане, расчесывание волос, обычай «вербохлеста» и др., а также неканоническая молитва «Сон Богородицы», окончание которой также сложено по принципу заговора. «Страшилки», которые я бы скорее назвала «острастками», поскольку их задача — устрашить непослушного ребенка и вместе с тем обозначить в его сознании само существование опасности, предела, «края» освоенного обществом пространства, выделены составителями особо.

Наибольшей полнотой материала обладают в сборнике разделы, которые посвящены собственно детскому фольклору, что объясняется особенностями собирательской работы, в которой приняли участие сами дети. Здесь отражено все многообразие жанров местной традиции.

Становясь старше, дети вступают в иные отношения с обществом и окружающим миром. Заклички и приговорки, детские посидочные припевки и колядки — все это песенные отклики на жизнь природы и сельского общества, выработанные традицией. Вместе с тем любящая и строгая опека взрослых и старших детей не ослабевает и в этот период. Подрастающего ребенка старались всесторонне подготовить к жизни, воспитывая терпение, выдержку, умение с юмором отнестись к любой неприятной ситуации, а значит, и достойно выйти из конфликта. Шутки и дразнилки служили и продолжают служить решению этой непростой, но необходимой задачи. Среди разнообразного репертуара попадаются интересные и редкие образцы озорных детских песенок, распевавшихся, очевидно, на различные плясовые мотивы. Этот род детского творчества, тесно связанный с традициями «взрослой» жизни и мало изученный в своей специфике, еще ждет своего внимательного исследователя.

Разделы игр и считалок по праву можно причислить к наиболее репрезентативным материалам издания. Репертуар, описания способа и хода игр, тексты игровых прелюдий и вообще словесный компонент игр представлены с исчерпывающей полнотой и могут служить надежной основой для исследования различных сторон детской игровой деятельности. Если хотя бы половина из этих игр входит ныне в число хорошо известных современным усть-цилемским детям, можно считать, что традиция старинных детских игр в селе может возродиться вновь. А игра — это лучшая школа взаимоотношений в коллективе и отработки взаимодействия его членов.

Однако есть среди всех разделов сборника один, который заметно выделяется ценностью и полнотой собранных материалов, — это загадки. Именно здесь многографический принцип издания раскрывает все свои достоинства. Загадки в изданиях детского фольклора обычно не относятся к одной традиции либо, если они записаны в одной местности, представлены небольшим количеством разрозненных образцов. В обоих случаях судить о традиции загадок как целостном явлении невозможно. В усть-цилемском сборнике мы видим богатый материал для изучения загадок как комплекса, в его связях с иными жанрами. Прекрасное начало такому исследованию положено созданием Тематического перечня загадок.

Самая главная удача авторского коллектива состоит в том, что им посчастливилось «схватить» и верно передать как «букву», так и дух усть-цилемской народной традиции воспитания детей. Это солидный итог разносторонней творческой, научной и поистине созидательной работы, проводимой участниками коллектива.

Еще одна замечательная особенность данного издания — это ее удачный дизайн, осуществленный В. В. Токаревым и А. А. Забоевым. Оформление книги играет немалую роль в том ощущении полноты и целостности традиции, которое охватывает читателя даже при первоначальном просмотре материала и стократно возрастает при его внимательном изучении. Прекрасные фотографии, сделанные авторами и другими участниками экспедиций в Усть-Цилемский район, составили отдельный раздел, который дает читателю возможность лично познакомиться с героями книги — народными исполнителями и детьми. Фотографии можно рассматривать бесконечно — с них глядят чистые и прозрачные глаза стариков и детей, народных мастеров всех возрастов, яркие детали праздничных костюмов, нежные тона северной природы, величественная архитектура могучих северных домов и их уютный интерьер, труд и быт детей, их игры и взаимоотношения друг с другом и с взрослыми. А еще — огромные семьи, род-племя, в котором эти дети рождаются, растут, взрослеют и становятся отцами и матерями: все начинается сначала. А объединяет все и всех знаменитая усть-цилемская «горка». Недаром этот поистине «победный» ряд иллюстративного раздела завершает фотография семейного клана — и рядом любовно оформленная родословная.

Фотографии, обеспечивающие присутствие на страницах сборника усть-цилемских детей, сопровождают весь текст и с большим вкусом вписаны в заставки, открывающие разделы книги. Только здесь они черно-белые, что позволяет внимательнее вглядываться в подробности, делает фотографию частью текста книги. Этот прием, проведенный через весь сборник, служит объединяющим началом в композиции целого и одновременно несет важную информационную нагрузку.

Последнюю страницу обложки украшают фотографии авторского коллектива книги с краткими резюме научных и творческих трудов. Это этнограф Т. И. Дронова, филологи Т. С. Канева и Т. Н. Бунчук и музыкант Т. А. Кочнева. Благодаря их работе мы имеем возможность познакомиться с одной из самых интересных и при этом живущих живой жизнью народных традиций Русского Севера — традицией воспитания детей Усть-Цилемского района Республики Коми. Одним словом, сборник и в руки взять приятно, и освоить его на совесть собранные, тщательно подготовленные материалы полезно, причем годятся они и педагогу-практику, и родителям, и ученым, и, конечно, самим детям. Эта книга приносит радость, даже если ее просто перелистать, чтобы увидеть замечательные детские лица, которые внушают надежду на будущее России.

Е. И. Якубовская